

В.И. Сахаров

«Сатира не терпит оглядки...»
(Повести и рассказы М.А. Булгакова 20-х годов)

Отрывок из главы

< ... >

В повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» сатира проникает далеко и глубоко в реальнейший быт 1920-х, и ей помогает научная фантастика, показывающая этот быт и людей с неожиданной точки зрения. Вспомним, что Булгаков в очерке «Киев-город» (1923) упоминает об «атомистической бомбе», тогда не изобретенной, но уже описанной английским фантастом Гербертом Уэллсом. Имя автора «Человека-невидимки» появляется и в «Роковых яйцах». Булгаков был внимательным читателем и не мог пройти мимо бурно развивавшейся в 1920-е научно-фантастической литературы.

Он тоже допускает возможность чуда, гениальную научную выдумку, но помещает ее в реальность и далее верен законам этой реальности, логике душевных движений и мыслей настоящих, не придуманных людей. Есть в фантастической прозе Булгакова неожиданная, глубоко спрятанная грусть, скептическая мудрость и трагизм, заставляющие вспомнить печальную сатиру Свифта. И это делает повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» удивительно достоверными и вместе с тем пророческими.

Повесть «**Роковые яйца**» начата писателем осенью 1924 и завершена уже в октябре. И сразу с ней начались разного рода приключения. Само название многосмысленно и пародийно и потому долго обдумывалось и менялось.

«Большие затруднения с моей повестью-гротеском «Роковые яйца»... Пройдет ли цензуру», — записано в дневнике Булгакова. Опасения автора, увы, оправдались тут же. В тексте повести произведено более 20 «выдирок» и изменений, а тираж булгаковской книги «Дьяволиада», центральной вещью которой были «Роковые яйца», конфискован. Перепуганное издательство тянуло с выплатой гонорара.

В повести «Роковые яйца», как и в «Дьяволиаде», Булгаков экспериментирует, сыплет анекдотами и каламбурами, умело играет стилем, пробует разные творческие манеры, не чуждаясь при этом пародии и острого политического гротеска.

Вспомним эпизод повести, где автор, врач и газетчик, познавший в эпоху нэпа всю сложность ежедневной борьбы за существование, смотрит вместе с профессором Персиковым в микроскоп на результат действия изобретенного ученым красного «луча жизни»:

«В красной полосе, а потом и во всем диске стало тесно, и началась неизбежная борьба. Вновь рожденные яростно набрасывались друг на друга и рвали в клочья и глотали. Среди рожденных лежали трупы погибших в борьбе за существование. Побеждали лучшие и сильные. И эти лучшие были ужасны. Во-первых, они объемом приблизительно в два раза превышали обыкновенных амёб, а во-вторых, отличались какой-то особенной злобой и резвостью. Движения их были стремительны, их ложноножки гораздо длиннее нормальных, и работали они ими, без преувеличения, как спрут щупальцами».

Мы слышим голос очевидца, интонация его серьезная и взволнованная, ибо речь идет, конечно, не только о мире амёб. Писатель что-то увидел, понял, хочет нам о своем открытии поведать и потому избегает эффектных фраз и навязчивой игры в метафоры, не это ему нужно. Мы сразу видим, что собственный стиль Булгакова совсем другой. Одним из первых понял это Горький, прочитавший повесть в Сорренто: «Остроумно и ловко написаны “Роковые яйца” Булгакова». Горький имел в виду не только стиль.

Остроумие, ловкость, да и сама фантастика для Булгакова не самоцель, с их помощью он описывает «бесчисленные уродства» быта, наглость малограмотных газетчиков, проникает глубоко в души людей, в исторический смысл тогдашних событий.

И его художественная проза уже далека от газетного фельетона, хотя опыт журналиста пригодился и здесь (сравните острый булгаковский фельетон о Мейерхольде «Биомеханическая глава» с памфлетным описанием театра имени «покойного» Вс. Мейерхольда в «Роковых яйцах»). Мы замечаем, что у этой веселой сатиры имеется очень серьезная цель.

Видели это и современники. Не будем говорить о писателях, но вот агентурная справка ОГПУ от 22 февраля 1928:

«Там есть подлое место, злобный кивок в сторону покойного т. Ленина, что лежит мертвая жаба, у которой даже после смерти осталось злобное выражение на лице. Как эта его книга свободно гуляет — невозможно понять. Ее читают запоем. Булгаков пользуется любовью молодежи, он популярен».

Таков был отклик на «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

В «Записках на манжетах» сказано с горькой иронией:

«Только через страдание приходит истина... Это верно, будьте покойны! Но за знание истины ни денег не платят, ни пайка не дают. Печально, но факт».

Замечательный юмористический талант не помешал автору сказать очень серьезное, главное для него слово «истина». Находясь в центре стремительного круговорота событий, людей и мнений, сатирик Булгаков себе и читателям задает вечный вопрос евангельского Понтия Пилата, будущего своего персонажа: «Что есть истина?» В трудные 1920-е он ответил на этот вопрос «Белой гвардией», сатирическими повестями «Роковые яйца» и «Собачье сердце».

Повести эти — о профессорах старой школы, гениальных ученых, сделавших в новую, не совсем им понятную эпоху великие открытия, внесшие революционные изменения в великую эволюцию природы. Пожалуй, булгаковскую сатирическую диалогию о науке можно назвать остроумной и в то же время серьезной вариацией на вечную тему «Фауста» Гете. В глубине невероятно смешных историй скрыты трагизм, грустные размышления о человеческих недостатках, об ответственности ученого и науки и о страшной силе самодовольного невежества. Темы, как видим, вечные, не утратившие своего значения и сегодня.

Повести «Роковые яйца» и «Собачье сердце» посвящены именно заблуждениям науки, в том числе и медицинской.

Печальна судьба гениального профессора Персикова, любившего одних своих пупырчатых жаб («Известно, лягушка жены не заменит», – сочувствует ему безымянный котелок из охраны) и потому ставшего причиной многих трагических событий. Ибо, умыв, подобно Понтию Пилату, руки, он покорно отдал свой опасный «луч жизни» в руки Рокка Александра Семеновича, профессионального «руководителя», субъекта крайне самоуверенного, развязного и необразованного. Сестра писателя Надежда, да и не только она, видела в этой трагикомической фигуре памфлетный выпад против Троцкого. Нынешние исследователи, конечно же, с ней согласны, а в Персикове усматривают черты Ленина. Даже если оно и так, то персонажи никак не равны столь произвольно определенным прототипам. Другое дело, что эти очень разные люди в повести, как и в реальной жизни, составляют неразлучную пару, и в этом их и наша трагедия.

И в их руках «луч жизни» превратился в источник смерти, из него родились несметные полчища гадов, пошедшие на Москву и послужившие причиной гибели самого Персикова и многих других людей. Наука, поддавшись величайшему соблазну высокомерного самодовольства и грубому нажиму, в который раз дрогнула и отступила, и в образовавшуюся щель хлынули силы разложения и разобщения, растоптавшие и самое науку. Ученые, эти «дети народа», породили народную трагедию, которая легко приобретает планетарные, даже космические масштабы. Это вечная тема преступления и наказания, унаследованная автором «Роковых яиц» у Достоевского и решенная средствами трагической сатиры.

Как и у всякого талантливого писателя, у Булгакова в его произведениях нет ничего лишнего, в этом тесном мире каждая деталь важна и не случайна. Повесть «Роковые яйца» пронизана трагическими символами крови, огня, мрака и смерти. В ней царят рок, трагическая судьба, и писатель эту интонацию усиливает, вводя в повесть тютчевскую строку «Жизнь, как подстреленная птица».

И особенно важен здесь светлый образ летнего солнца, символ вечной жизни. Ему противостоит мрачный, с опущенными шторами кабинет научного чудака Персикова. Холодом и одиночеством веет в комнате, жутковат даже рабочий стол, «на дальнем краю которого в сыром темном отверстии мерцали безжизненно, как изумруды, чьи-то глаза». Да и сам несчастный профессор кажется божеством лишь безграмотному Панкрату.

Самое же интересное в том, что «луч жизни» Персикова искусственный. Плод кабинетного ума, он не может родиться от живого солнца и возникает лишь в холодном электрическом сиянии. От такого луча могла произойти лишь выразительно описанная Булгаковым нежить. Эксперимент гениального Персикова нарушил естественное развитие жизни, высвободил страшные силы, и потому он безнравственен и обречен на неудачу. Важен и эпилог повести: живая вечная природа сама себя защитила от нашествия чудовищ, помогла поздно опомнившимся людям в их отчаянной борьбе с враждебными жизни силами.

Изобретательность выдумки и мощь сатирического таланта автора повести потрясают, здесь ни одна строчка не устарела и не потеряла своей значимости, да и сама красочная панорама Москвы времен нэпа с ее суетой, газетами, театрами, картинками нравов замечательна в своей исторической точности и подлинной художественности. Более того, сегодня, после Хиросимы, Чернобыля и других страшных катастроф, «Роковые яйца» читаются как гениальное предвидение будущих великих потрясений (вспомним горящий, оставленный войсками и жителями Смоленск, отчаянные оборонительные бои под Вязьмой и Можайском, панику и эвакуацию Москвы) и очень трезвое, вещее предостережение, совсем не случайно повторенное в пророческой пьесе «Адам и Ева».

Кончается же грустная история об ошибке и гибели профессора Персикова победой жизни, и трагизм ее уравновешивается юмористическим тоном рассказа и блеском фантазии сатирика. Печаль разрешается смехом. Мысли автора повести глубоки и серьезные, и все же «Роковые яйца» полны подлинного веселья, блеска язвительного ума и чрезвычайно занимательны.

Особенно хороша в «Роковых яйцах» сцена встречи незадачливого экспериментатора Рокка с выведенной им гигантской змеей-анакондой:

«Лишенные век, открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы, и в глазах этих мерцала совершенно невиданная злоба. Александр Семенович поднес флейту к губам, хрипло пискнул и заиграл, ежесекундно задыхаясь, вальс из “Евгения Онегина”. Глаза в зелени тотчас же загорелись непримиримой ненавистью к этой опере».

Далее, как известно, последовала страшная, но справедливая расплата за невежество и самонадеянность. В повести каждому воздается по делам его и вере его.

«Собачье сердце» — шедевр булгаковской сатиры. Здесь писатель идет вослед своему учителю Гоголю, его «Запискам сумасшедшего», где в одной из глав человек показан с собачьей точки зрения и где говорится: «Собаки народ умный».

Тема повести — человек как существо общественное, над которым тоталитарные общество и государство производят грандиозный эксперимент, с холодной жестокостью воплощая гениальные идеи своих вождей-теоретиков. И здесь отчетливо видна граница, которую умная и человеческая сатира Булгакова не переходит. Ибо нельзя бездумно смеяться над человеческими несчастьями, даже если человек сам в них повинен. Личность разрушена, раздавлена, все ее многовековые достижения — духовная культура, семья, дом — уничтожены и запрещены. Шариковы сами не рождаются...

«Собачье сердце» — произведение многосмысленное, и каждый читает его согласно своим мыслям и своему времени. Ясно, например, что сейчас внимание читателей с помощью всемогущих кинематографа, театра и телевидения упорно привлекают к Шарикову, наталкивая на весьма решительные параллели и обобщения. Да, персонаж этот глубоко несимпатичен, но он немыслим без пса Шарика, эта пара друг друга разъясняет.

Ведь пес не только хитер, ласков и прожорлив. Он умен, наблюдателен, даже совестлив — задремал от стыда в кабинете гинеколога. К тому же Шарик обладает бесспорным сатирическим даром: увиденная им из подворотни жизнь человеческая чрезвычайно интересна в метко схваченных и высмеянных подробностях тогдашнего быта и характеров. Именно ему принадлежит тонкая мысль, повторенная автором повести неоднократно: «О, глаза — значительная вещь! Вроде барометра. Все видно — у кого великая сушь в душе...». Пес не чужд политической мысли и рассуждает философически: «Да и что такое воля? Так, дым, мираж, фикция... Бред этих злосчастных демократов...»

Понял Шарик и весьма простую психологию новых «хозяев жизни» и так ее изложил своими язвительными словами: «Надоела мне моя Матрена, намучился я с фланелевыми штанами, теперь пришло мое времечко. Я теперь председатель, и сколько ни накраду — все, все на женское тело, на раковые шейки, на Абрау-Дюрсо. Потому что наголодался в молодости достаточно, будет с меня, а загробной жизни не существует». С тех пор эта «номенклатурная» психология мало изменилась...

Автор делает пса симпатичным, дарит ему светлые воспоминания о ранней юности на Преображенской заставе и вольных собаках-побродягах, поэтический сон о веселых розовых псах, плавающих на лодках по озеру. Повторяем, у Булгакова нет ничего случайного или лишнего, и эта важная деталь — место юных беспечных игр — четко соединяет Шарика с его «донором» Климом Чугункиным, убитым в пьяной драке именно в грязной пивной «Стоп-сигнал» у Преображенской заставы.

Соединившись по недоброй воле Преображенского с мерзкой личностью, умный и человечный, если можно так выразиться, пес превращается в злобного и пакостливого душителя котов Шарикова. Таково движение авторской мысли от одного персонажа к другому, несущее в себе их художественную оценку. Дело читателя заметить и сопоставить красноречивые детали.

Свою повесть Булгаков назвал вначале «Собачье счастье. Чудовищная история». Но главным ее героем сделал не собаку и не Шарикова, а профессора старой школы. Он создавал Филиппа Филипповича Преображенского, оглядываясь на родного дядю, известного всей Москве врача-гинеколога Николая Михайловича Покровского. Первая жена писателя, Татьяна Николаевна, вспоминала: «Я как начала читать — сразу догадалась, что это он. Такой же сердитый, напевал всегда что-то, ноздри раздувались, усы такие же пышные были. Вообще он симпатичный был. Он тогда на Михаила очень обиделся за это. Собака у него была одно время, доберман-пинчер». Но булгаковский профессор очень далеко ушел от реального своего прототипа.

Ведь гордый и величественный Филипп Филиппович Преображенский, столп генетики и евгеники, задумавший от прибыльных операций по омоложению стареющих дам и бойких старичков перейти к решительному улучшению человеческой породы, воспринимается как высшее существо, великий жрец только Шариком. Да и высокомерные, злобно-язвительные суждения его о новой действительности и новых людях принадлежат персонажу, а не автору, хотя в словах профессора больше правды, чем нам хотелось бы.

Само одиночество немолодого Преображенского, его стремление уединиться, спрятаться от беспокойного мира в комфортабельной квартире, жить прошлым, одной «высокой» наукой уже несут в себе авторскую оценку персонажа, оценку отрицательную (вспомним одиночество булгаковского Пилата), несмотря на очевидную симпатию к его бесспорным достоинствам, врачебному гению, высокой культуре ума и знания.

Многие говорят о Преображенском его случайно оброненные слова «подходящая смерть». В них отношение к жизни и человеку.

Впрочем, самодовольство профессора, задумавшего своим безотказным скальпелем улучшить самую природу, соревноваться с жизнью, поправлять ее и создать по заказу какого-то «нового» человека, было наказано быстро и жестоко. Напрасно верный Борменталь восторгался: «Профессор Преображенский, вы — творец!!». Седой Фауст сотворил доносчика, алкоголика и демагога, который ему же сел на шею и превратил жизнь и без того несчастного профессора в обычный советский ад. Хитрый Швондер лишь ловко использовал эту роковую ошибку.

Тем, кто простодушно считает профессора Преображенского чисто положительным героем, страдающим от негодяя Шарикова, всеобщего хамства и неустройства новой жизни, стоит вспомнить слова из позднейшей фантастической пьесы Булгакова «Адам и Ева» о чистеньких старичках-профессорах:

«По сути дела, старичкам безразлична какая бы то ни было идея, за исключением одной — чтобы экономка вовремя подавала кофе... Я боюсь идей! Всякая из них хороша сама по себе, но лишь до того момента, пока старичок-профессор не вооружит ее технически...».

Вся последующая история XX века, превратившаяся в кровавую борьбу отлично вооруженных учеными политических идей, подтвердила правоту этого пророчества.

Чего же хочет вполне благополучный профессор Преображенский? Может быть, демократии, парламентского строя, гласности? Как бы не так... Вот его доподлинные слова, о которых почему-то молчат комментаторы повести:

«Городовой! Это, и только это. И совершенно неважно, будет ли он с бляхой или же в красном кепи [тогдашний головной убор советской милиции]. Поставить городского рядом с каждым человеком и заставить этого городского умерить вокальные порывы наших граждан».

Страшные и безответственные слова...

Ведь все мы знаем, что через несколько лет такой «городовой» был приставлен практически к каждому, и разруха действительно кончилась, люди прекратили петь гимны, перешли на бодрые песни Дунаевского и стали строить ДнепрогЭС, Магнитку, метро и т. п. Но какой ценой! А Преображенский согласен на эту цену, лишь бы ему вовремя подавали натуральный кофе и финансировали его гениальные научные опыты. Отсюда недалеко до использования труда заключенных (см. описание изделий узников ГУЛАГа в булгаковском фельетоне «Золотистый город») и даже до опытов над этими заключенными — во имя высокой чистой науки, разумеется. Ведь упоминаемая профессором евгеника, наука об «улучшении человеческой породы», не только допускала такие опыты, но и основывалась на них.

Автор описывает решительные операции Преображенского как бестрепетное вторжение в чужую жизнь и судьбу. Творец постепенно превращается в убийцу, «вдохновенного разбойника», «сытого вампира»: «Нож вскочил к нему в руки как бы сам собой, после чего лицо Филиппа Филипповича стало страшным». Белые одежды жреца науки в крови. Так что в этом симпатичном персонаже содержится и разоблачительная сатира, глубокая и пророческая критика обходящейся без этики, эгоистической научной психологии, легко принимающей печально известный принцип «Лес рубят — щепки летят». Ведь не Шариков же «подарил» миру ядерное оружие и Чернобыль.

Хорошо хоть, что новоявленный советский Фауст опомнился, сам вернул в первобытное состояние свое создание — омерзительного Шарикова — и понял всю безнравственность «научного» насилия над природой и человеком: «Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно!.. Ведь родила же в Холмогорах мадам Ломоносова этого своего знаменитого!». Прозрение, пусть позднее, всегда лучше высокомерного ослепления.

И здесь же автор, развивая тему Достоевского, приводит своего героя к знаменательному выводу: «На преступление не идите никогда, против кого бы оно

ни было направлено. Доживите до старости с чистыми руками». Это ведь одна из главных идей романа «Мастер и Маргарита», точно намеченная в «Собачьем сердце». Так что история преступления и наказания начата в ранней булгаковской прозе и здесь не кончается.

Как и в «Роковых яйцах», в повести о Преображенском важны и живописный фон, любимый автором образ огня, точно очерченные фигуры, и события второго плана (хитрый беспринципный Швондер и его истеричная компания, вороватый и шкодливый Шариков, страстная кухарка), а также чудесный эпилог, столь мастерски придуманный и написанный, что его можно перечитывать бесконечно, как, впрочем, и всю повесть, шедевр умной и веселой занимательности. Автор впоследствии называл повесть «грубой», но она, конечно же, просто честная, сильная, глубокая сатира, не знающая запретов и границ, идущая до конца.

Булгаков прекрасно знал об особом внимании «органов» к поучительной истории Шарикова. Не случайно он демонстративно устроил читку повести в московской редакции газеты «Накануне», то есть на территории ОГПУ. Но больше всего Булгаков хотел сделать «Собачье сердце» фактом тогдашней литературы, стремился ознакомить с текстом как можно большее число писателей.

7 и 21 марта 1925 автор читал «Собачье сердце» в многолюдном собрании «Никитинских субботников». Среди слушателей-литераторов, естественно, был осведомитель ОГПУ, составивший подробный отчет о заседаниях. Вот что он доносил на Лубянку:

«...Вся вещь написана во враждебных, дышащих бесконечным презрением к Совстрою тонах... Булгаков определенно ненавидит и презирает весь Совстрой, отрицает все его достижения... Есть верный, строгий и зоркий страж у Соввласти, это — Главлит, и если мое мнение не расходится с его, то эта книга света не увидит. Но разрешите отметить то обстоятельство, что эта книга (1 ее часть) уже прочитана аудитории в 48 человек, из которых 90% — писатели сами. Поэтому ее роль, ее главное дело уже сделано...»

Этот вывод чекиста постоянно подтверждается новыми документами. К примеру, в мемуарах Р. Иванова-Разумника сообщается, что он читал «Собачье сердце» в рукописи. Опубликован и секретный доклад главного советского цензора П. Лебедева-Полянского, который в январе 1931 с ужасом вспоминал о «Собачьем сердце»:

«Мы, конечно, не пустили такой роман, но характерно, что была публика так настроена, что позволяла себе подавать такие романы... Действительность показала, что часть писателей пошла с нами, а другая часть писателей, вроде Булгакова, не пошла и осталась самой враждебной нам публикой до последнего момента».

Повесть вошла таким образом в советскую литературу, обойдя цензуру и все фильтры официального идеологического контроля. Но какой ценой...

В недрах ОГПУ уже сложилось дело «литератора» Булгакова, куда следователем С. Гендиным подшивались все доносы. Делу рано или поздно должны были дать ход, надо было лишь определить некоторые «оргвопросы» и утвердить «наверху» меру наказания. Автора «Собачьего сердца» чекисты уже готовы были присоединить к «делу» провокаторов-«сменовеховцев». Однако сатира Булгакова заставляет вспомнить известные слова Жуковского о Пушкине в письме к Бенкендорфу: «Острота ума не есть государственное преступление».

< ... >